

МАРГИНАЛЬНОЕ И ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ В ЛИТЕРАТУРЕ

ВЛАДИМИР
АЛЕКСАНДРОВИЧ
РОГАЧЕВ

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ СЕВЕРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ИСКУШЕНИЙ

В статье впервые показана позитивная роль деятелей культурно-литературной провинции на Ямале, органично и художественно отстаивающих свой эстетический статус в эпоху глобализации (кон. XX–нач. XXI вв.).

Провинциальное и маргинальное начала в эстетическом поле современного литературного процесса в Ямало-Ненецком автономном округе РФ в эпоху победного шествия глобального атлантизма на планете начиная с 1990-х гг. стали надежным щитом развития уникального искусства слова как литератур северных коренных малочисленных народов (КМН), так и трансформации русской литературы на Крайнем Севере. В процессе эстетического взаимодействия эти литературы образовали собственный комплекс, который составил сущностное онтологическое единство ямальской художественной литературы (ЯХЛ).

В советское время с его идеологемой ускоренного развития литератур малых народов, сближения, выравнивания и слияния их в советскую общность ЯХЛ не замечали. И хотя немало перьев потрудились на ниве диалектики интернационального и национального, творчество русских литераторов, живущих и работающих среди КМН, фактически относили к второстепенным явлениям.

Ныне с русской литературы, благодаря сложным и противоречивым процессам роста национальной самоидентификации региональных культур, сняли вериги «старшего брата», адепта якобы только прогрессивной атлантической и еврославянской цивилизации с ее техногенно-урбанистическим ядром. Исчезла необходимость транслировать этот багаж, дабы не только оправдать неблагие плоды социоэкономического и технико-промышленного освоения северных территорий, но и вобрать в свое лоно «детей» якобы отсталой северной естественно-природной цивилизации.

Миссионерская функция, конечно же, имела и положительные черты (мир узнал о творчестве Л. Лапцуя, А. Неркаги и др. благодаря переводам их произведений на русский язык). Настало время сотворчества русских литераторов и писателей КМН с целью развития ямальской культурной провинции.

Ничто не возникает из ничего, и дальний отсвет ее феномена виден на заре XX в. Определенный привкус энциклопедического стиля в нашем изложении выдает стремление расставить первые пограничные вехи, дабы обозначить на культурной карте России зону влияния ЯХЛ.

Ныне ЯХЛ активно осмысляет духовно-провиденциальный и мифопоэтический социокультурный опыт своей естественной природной цивилизации за 20 веков, осваивает мировой и российский родо-жанровый состав, учит уроки своей мифологии и фольклора. В процессе преемственности ЯХЛ ищет собственную систему содержательных форм и видов творчества, синтез родного и инородного художественного опыта.

ЯХЛ раскрывает проблему народного характера (Тер у Л. Лапцуй, Ного у А. Неркаги, Лозару у Р. Ругина и др.), высвечивает народную трагедию и нравственное неприятие негативных сторон техногенного освоения Севера («Молчащий» А. Неркаги, «Пословский причал» Л. Тарагупты, «Тюли-сё» И. Юганпелика, северные баллады Ю. Зимина, очерки А. Омельчука и А. Гольда и др.).

ЯХЛ отличается сложным отношением к наследию: бурное освоение мировой и русской классики, родного фольклора в 1930-е–1960-е гг., осложненное вульгарным социологизмом («Шаман» И. Ного и др.) до проявлений национального изоляционизма в 1990-е гг. (попытки пересмотреть фигуру Ваули, сделав из него преступника вместо народного заступника, экзальтированная идеализация «преданий старины глубокой», влияние религии на народное сознание и др.). В конце XX в. и в ЯХЛ появляются провиденциально-духовные произведения, свидетельствующие о процессе духовного возрождения («Из глубины веков» Е. Сусой, «Молчащий» А. Неркаги, христианские мотивы в лирике Л. Ефремовой, Ю. Баскова и др.).

С начала ЯХЛ не прекращается обмен культурными ценностями и освоение русскими писателями Ямала северного образа мира (творчество Ю. Афанасьева, П. Кожевникова, Ю. Зимина, А. Гольда и др.). Заметно взаимообогащение языка и культуры, локуса художественного сознания, рождение северной концепции человека и мира (А. Неркаги, Н. Ядне, Р. Ругин, В. Мартынов, Г. Махмут и др.).

Л. Лапцуй, Р. Ругин, А. Неркаги и др. еще в 1970-е гг. подходят к решению проблемы человека в его космогонических, мифопоэтических, социоисторических, бытовых и личностно-психологических координатах и связях с Ямалом. У Л. Лапцуйа это эпическая поэма «Тохосо ири — Предок рода Тохо», у Р. Ругина — «Гул далекой буровой», у А. Неркаги — «Молчащий» и др. Они по-своему открывают то, что волновало Л. Леонова («Пирамида»), В. Распутина («Прощание с Матерой»), В. Крупина («Спасибо Богу за все») и др., что отразилось в литературе других КМН РФ (произведения В. Санги, Г. Ходжера, С. Курилова, Ю. Рытхэу, В. Ледкова, Е. Айпина, Ю. Вэллы и др.). В истории рода Тохо (Л. Лапцуй) на первом плане — народное самосознание героев, их личная свобода и сопричастность к вечным истинам бытия в зеркале мировой, российской и родной культуры.

В ЯХЛ рождены явления крупного художественного масштаба. В «Тере» (первая публикация на русском языке — 2000 г.) автор (Л. Лапцуй) перевоплощается в рапсода, чье духовно-историческое зрение есть «глаза Ямала — глаза Земли». Он пересоздает историю Ямала как центра и одновременно части антропоморфной вселенной. Главный герой — богатырь и просто северянин, занятый привычными делами. А Неркаги творит свою северную историософию с христианскими мотивами, подобно тому как в IX в. русичи принимали учение Христа.

Элементы эпизации прозы в духе народно-исторических традиций творчества Л. Н. Толстого, М. Горького, А. Н. Толстого, М. Шолохова, В. Распутина и др. характерны для произведений И. Истомина, И. Ного, Л. Лапцуйа, Р. Ругина, А. Нер-

каги, а также Ю. Зимина, Ю. Афанасьева, В. Мартынова, Г. Махмута и др. Появление лирической прозы в русской литературе в 1960-е гг. отразилось и в северных литературах (Н. Ядне «Легенды о Нарейне» (1994), «В поисках лучшей жизни» (1995); Ю. Агапитов «Жизнь прожить» (1992); Г. Махмут «Камертон» (1992) и др.).

В проблемно-тематической сфере ЯХЛ связана с новыми мотивами освоения рабочей темы в 1970-е–1980-е гг. Нефть и газ стали главным политико-экономическим фактором существования СССР до начала 1992 г. На фоне общей стагнации страны, нравственного разложения рабочего класса тюменские преобразователи Севера в целом были достойны героико-романтической трактовки своего трудового подвига. Таковы произведения ямальских писателей в книжных сериях тех лет: «Сибирское ускорение», «Твои люди, Север» и др. Они же одними из первых выступили против нравственных перекосов освоения, «вируса временности» (знаменитый очерк А. Гольда), экологической слепоты «покорителей», агрессивного отношения к образу жизни и духовно-культурному филогенезу северян.

В то же время писатели КМН четко выделяли тех, кто пришел на Север, уважая его жизненную философию, и тех, кто осквернял ее. При этом авторы сознавали силу пришедших, и во многих произведениях скользит мотив жертвенности, реквиема по угасающим родным очагам («Белый ягель» А. Неркаги, лирика Р. Ругина, И. Юганпелика и др.).

Северяне обогатили российскую литературу своеобразием художественных решений рабочей темы, особым поэтическим языком мифологии, фольклора (поэма Р. Ругина «Огнедышащий край», 1975).

В решении проблемы человека XX в. ряд авторов поднялся на европейский уровень. Н. Грудинина правомерно сопоставляет лирические раздумья Л. Лапцуй о человеке с поэзией П. Элюара [Грудинина 1984:7]. Произведения Р. Ругина вошли в «Антологию уральских народов» (Будапешт, 1975). Историко-мифологический пласт творений писателей КМН в определенной степени сопоставим с опытами Ф. М. Достоевского, М. А. Булгакова, Ф. Кафки, магическим реализмом Г. Маркеса, особенно в истолковании лейтмотива: зло порождает и умножает зло, прежде всего, по прихоти самого человека, особенно того, кто облечен властью и лишен нравственных основ.

Этот контекст ЯХЛ остается дискуссионным в силу затрудненности литературных контактов с европейским миром, столичными российскими центрами; плохих переводов; недостаточного изучения северной цивилизации и культуры. Лишь когда авторитетным культурологам выпадала возможность более основательного знакомства и познания северной цивилизации, они начинали признавать ее культуру как явление мирового уровня (Н. Грудинина, Е. Шмидт (Венгрия), Р. Бикмухаметов, А. Агрант, В. Огрызко и др.).

Русская литература Ямала в 1970-е гг. приходит к синтезу своего художественного мышления с фольклором, мифопоэтикой и философией жизни Севера (произведения Ю. Зимина, А. Гольда, Ю. Афанасьева, П. Кожевникова и др.). Еще в 1970-е гг. к решению проблемы духовного возрождения обратились Л. Лапцуй, А. Неркаги. Созвучно повести о драме юношеского вхождения в большой мир во время войны (Ч. Айматов, «Ранние журавли») написал свой «Ранний ледостав» Р. Ругин. В ту же эпоху появляется все больше произведений со взглядом на национальную историю без идеализации и квазипатриотизма (повести Р. Ругина, «Илир» А. Неркаги, очерки и рассказы Н. Ядне и др.).

Русская литература Ямала переживает трудный и противоречивый процесс своего формирования с конца 1980-х гг. Выделяется ее надымское гнездо (лидеры Ю. Басков, Л. Ефремова, В. Мартынов, Г. Махмут). На пороге XXI в. эта литература местами продолжает по инерции тему освоения (см. альманах «Окно на Север»

1990-х гг.). Параллельно усиливается диалог с северной культурой и экологией. Порою преобладает описательно-тематический подход, художественная хроника рабочих буден, но усиливаются попытки (особенно в поэзии — В. Шумков, Ю. Басков, В. Мостипан и др.) понять и принять Север, осознать свое место в нем.

Северные писатели в силу социоисторического советского регламента жизни с конца 1930-х гг. усваивали и даже разделяли тогдашние идеологемы и нормы. Они не отрицали позитивных сторон освоения (лирическая публицистика Л. Лапцуня, поэма «Огнедышащий край» Р. Ругина, рабочая тема в стихах И. Юганпелика и др.).

Однако уже в начале 1980-х гг. северные писатели все острее стали воспринимать техногенно-урбанистическое и ведомственно-своевольное наступление на Север как негативный процесс, ускоривший разрушение местной цивилизации (омертвление языков, традиций и обычаев), принесший экологические беды (поздняя философическая лирика Л. Лапцуня, повесть «По следу» Р. Ругина, проза А. Неркаги, поэма «Тюли-сё» И. Юганпелика, поэма «Пословский причал» Л. Тарагупты и др.). Реконструируется эпос о трагической судьбе родов Тохо и Тера (Л. Лапцуня), Ного (А. Неркаги), ханты (Р. Ругин). В своем топосе ЯХЛ раскрывает суть естественно-природной цивилизации. В ней пульсирует нравственно-философское видение глобального экокультурного кризиса и сопротивление ему, духовно-провиденциальное осмысление веры и судьбы северных народов Ямала.

Начало ненецкой художественной литературы (НХЛ) связано с литературно-фольклорным и этнокультурным направлением, описательно-тематическим изображением быта и нравов КМН, утверждением советского строя жизни с критикой старых традиций. Первые печатные произведения НХЛ появились в 1930-е гг. на страницах окружной газеты «Нарьяна Нгэрм» — «Красный Север», сыгравшей большую роль в ее становлении и развитии. Первыми крупными публикациями стали пьесы И. Ного («Шаман» и «Ваале Ненянг», 1937), изданные в Салехарде.

Всероссийская известность к Истомину пришла в начале 1950-х гг., когда «Сибирские огни» (1952. № 5) напечатали цикл ямальских рассказов, а стихи о Севере («Полярное сияние», «Погляди», «В дороге» и др.) были изданы в сборнике «Новая тайга» (М.; Л., 1952). Тогда же он становится лидером НХЛ. Произведения конца 1950-х — начала 1960-х гг. демонстрируют зрелость художественного мышления Истомина (сборники прозы «Последняя кочевка» и «Счастливая судьба», 1962).

Поэзия Истомина эпически реалистична, опирается на северную мифопоэтику и символику, в центре которых — человек и природа, антропоморфизм, народная жизнь и труд. В произведениях тех лет присутствуют мотивы преобразования северной природы в связи с генпланом СССР, принятым в начале 1950-х гг. Писатель рисует утопические картины будущего Ямала, говорит о строительстве Нижнеобской ГЭС (тогда не знали о возможной экологической катастрофе).

Типичным советским пафосом проникнута «Последняя кочевка» с лейтмотивом: «Мы из старой жизни в новую кочуем. Это шибко большая и последняя наша кочевка» (слова мудрого Ямая Теседы). Драматические стороны этого процесса, разное отношение ненцев к социализации традиционного уклада по новым правилам Истомин не мог тогда показать.

Первый период (1930-е — нач. 1960-х гг.) определил главное направление развития НХЛ, связанное с переменами в жизни северян, непростыми отношениями советского строя с этнокультурными особенностями Ямала. Появилась письменность, интенсивно изучался ненецкий фольклор. И. Ного, И. Истомин и другие заложили основы литературного процесса, подошли к решению проблемы образной символики и отображения народной жизни.

Второй период (нач. 1960-х — сер. 1980-х гг.) интересен сложным процессом взаимодействия северной культуры с идеологией нефтегазового освоения. Лите-

раторы поначалу приняли пафос «покорения Севера», считая, что это приведет к расцвету Ямала и приобщению северян к положительным сторонам техногенно-урбанистической еврурусской цивилизации. Еще не был серьезно нарушен экологический баланс, соблюдались нормы социальной справедливости и многое из традиционного уклада и обычаев. Поначалу школьная система была ближе к северным семьям, оправдывала себя сеть культбаз, развивались оленеводство и ветеринария, здравоохранение, рыболовство, учителя старались овладеть местными языками.

Со временем нарастали разрушительные явления, соцкультбыт новых городов отставал от промышленных темпов, вирус временности и ведомственные межи ожесточали нравы, многие пришельцы вели себя в тайге и тундре как варвары, подрывалась местная экономика, молодые ненцы отходили от традиционных занятий.

В 1961 г. в Ленинграде проходит первая конференция литераторов народностей Севера, ненецкую литературу представляли И. Истомин, В. Пырерка, И. Юганпелик. К юбилею округа в Тюмени выходит сборник стихов северных поэтов «30 лет» (1961). В 1970-е Истомин, Лапцуй, Неркаги сотворили ненецкий лироэпос — этнокультурную панораму народной судьбы с древних времен до современности. Глубина психологизма и трагедийно-очищающая роль коллизий, многомерная картина родного Ямала, диалог с еврурусской цивилизацией, историзм и галерея народных героев — искателей лучшей доли — вывели НХЛ на всесоюзный уровень.

Эпической мощи исполнен роман Истомина «Живун» (1970). Выразителен портрет и движение жизни традиционной для северян пармы-коммуны с попыткой освоить общественные формы бытия и хозяйствования. Столкновение богачей Озыр-Митьки и Ма-Муувема с коммунарами (Варгиль-Гриш, неудачник Санька-Германец, беззаботный Гажа-Эль, председатель сельсовета Роман Иванович Куш-Юр («гологоловый») показано в реалистическом стиле. Сложен характер не пересилившего свою жадность Мишки-Караванщика. Социально-плакатное начало сменил художественный анализ ситуации.

О. Трофимова. Жизнь домоџ

Позднее Истомин развил ряд мотивов «Живуна» в романе «Встань-трава» (1983), опубликовал сборники стихов и ненецких сказок с лейтмотивом «На Ямале мы живем» (1972, 1976, 1985). Появились его «Первые ласточки» (воспоминания, 1982), новые стихи, рассказы и поэма «Коми Гал». В конце 1990-х гг. вышел юбилейный двухтомник избранных сочинений классика северной литературы.

Уникален вклад в ненецкую литературу Л. Лапцуя. Он создал историософию народа в истинном масштабе человека и северного космоса, проследил драматический путь ненцев в образах эпической героики и лирической романтики, раскрыл себя и мир во внутреннем и надличном бытии.

Каждая новая книга писателя становилась событием («Голубые снега» (1970); «Победившие смерть» (1976); «Радуга жизни» (1978); «На оленьих тропах» (1982); «Тер» (1989) и др.). В своем лироэпосе Лапцуй отличился поэмой-сказанием «Рождение Ямала» (1966) и поэмой-песней «Весенний ледоход» (1966).

В золотой фонд НХЛ вошли «Олененок», «Человеку поклон», «Язык ненцев», «Времени дороги», «Песня нестареющей памяти», «Смерть совы», «Нарта», «Табакерка» и др. В них — эволюция Лапцуя от социальной патетики освоения к этической философии бытия. В просветительской поэме «Тундра шепчет» (1975) впервые «старший русский брат» — учитель Валентин Костецкий — показан понявшим язык тундры, прошедшим школу старого Лаптандера — школу северной истории и народного строя жизни.

В последний период творчества (1975–1982) Лапцуй завершает поэтическое и народно-символическое создание нового метаязыка для воссоздания северного эпоса по древним правилам сказителей. Он — поэт всего арктического топоса XX в. Помимо «Рождения Ямала», автор пишет чистый эпос — «Тер» (издан в 1984 г.) — о северной битве добра и зла, судьбе богатыря и одновременно простого человека. Рождается и поэтическая история рода («Тохосоири — Предок рода Тохо»).

Гений Лапцуя — в особом масштабе пространства и времени Ямала, коэволюционной цивилизации северян, их мифологии и культуре, когда у природы берут лишь необходимое для жизни, не нарушая экологического равновесия.

Драматична судьба талантливой Г. Пуйко. Он интересно начинал как поэт («Маленький помощник», 1966). Поддерживая пафос переустройства в годы нефтегазового освоения, потом тяжело переживал разлад советских идеалов с реальными бедствиями своего народа.

Тяжел путь И. Юганпелика, начинавшего в общем русле 1960-х гг. («Земляки», 1957; «Север поет», 1969). В свое время известный писатель А. Гольд опубликовал свой перевод его трагической поэмы «Тюли-се» о медленном угасании народного духа жизни на Ямале (Уральский следопыт. 1990. № 12). Это настоящая жемчужина ненецкой поэзии XX века. Юганпелик — автор трагической песни о древнем роде («Девушка Сихирти», 1978). Всеми забытый, поэт ушел из жизни в ужасных условиях Ялуторовского дома для престарелых (1991).

В 1975 г. в альманахе «Самотлор» (Тюмень) появилась первая повесть А. Неркаги «Анико из рода Ного». Ее судьба — редкий пример на переходе из XX в. XXI-й, когда писатель служит родному народу не только произведениями, но и пытается изменить к лучшему жизнь сородичей. Неркаги создала в поселке Лаборова фермерское хозяйство. Она — лидер местной общины.

Повести А. Неркаги — «Анико из рода Ного» (1975), «Илир» (1979), «Белый ягель» (1985) составляют сложное и драматичное единство романа-трагедии северного народа в XX в. Столкновение цивилизаций поставило на край гибели Себеруя, Алешу и его мать. История Илира и Майми — художественный анализ социальных пороков (оппозиция «богач-бедняк»). Майма все дальше отходит от завета — заботиться о ближнем.

Человек-зверь делает звериными условия жизни юного Илира. Но доживающий свое полярный пес помогает ему вынести жестокие удары судьбы. Неркаги правдиво показывает жизнь своего народа изнутри в моменты, когда побеждает зло. Однако в мире людей его победа смертоносна для Маймы. Преступающий нравственный закон обречен. Майма не может продолжить свой род, а Илир наливается жизненной силой.

Анико возвращается в тундру, испытав искушения чужой цивилизации, поняв, что из нее можно взять с собой. Она восстанавливает северный строй бытия в трудном диалоге с освоителями.

Третий период НХЛ (сер. 1980-х–нач. XXI в.) – современный, в поисках духовно-этических и социальных путей обновления региона. После Истомина и Лапцуя Неркаги стала лидером ненецкой литературы, получила широкое признание в стране и за рубежом.

Набирает силу талант прозаика и публициста Н. Н. Ядне. Ее книга «Я родом из тундры» (1995) – сложное сплетение разных жанров с лиропоэтической интонацией, социальным началом, заботой об этнокультурном возрождении Ямала.

Пробились к читателю произведения Ивуки Н. Ядне («Легенда о Нарэйне», 1994). Это поэтическое переложение истории о Наре-Весне, ненецкой красавице, «символе жизни, любви, счастья, света и радости».

После совещания молодых писателей (Салехард, 1989) стало известно о творчестве И. Худи, Г. Тихоли, В. Наруй, А. Лапсуй и др. Опубликован интересный цикл стихов П. Нядонги. Это «Норинские этюды» (1997) и др.

Новую концепцию творчества А. Неркаги предложили в 1990-е г. К. Лагунов, А. Омельчук, В. Рогачев, О. Лагунова, В. Огрызко, Н. Качмазова и др. Она связана с выходом литератора на историософский уровень, когда судьба ненецкого народа решается в контексте глобальных катастроф и духовных учений. Лейтмотив философско-духовидческого сказания «Молчащий» (Тюмень, 1996) – «У нас начала гнить душа». Национальнообразующая система архетипов – Ямал, Олень, огонь, взаимоотношения трех Миров, чум как космобытовой центр жизни любого ненецкого рода, Род и Очаг, природные топосы (дорога, озеро, река, море и др.) – антропоморфно закольцована инфернально-демоническим хронотопом Скопища, убивающего пришедшего с Благовестием Молчащего. Видение северного апокалипсиса осложнено у Неркаги космической борьбой тьмы и света, добра и зла, когда заблудшие очищаются от безумств (идея северного Христа).

В ходе третьего этапа развития НХЛ выходит на глобальный уровень, ее социумная и духовно-этическая проекция на острые проблемы современности прежде всего связана с путями возрождения Ямала, инновационным освоением благодетельных традиций северной цивилизации и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Бикмухаметов Р. Орбиты взаимодействия. М., 1983.
 Грудинина Н. Предисловие // Лапцуй Л. Тер. М., 1984.
 Космос Севера / Под ред. О. К. Лагуновой. Вып. 1, 2. Тюмень; Екатеринбург, 1996, 2000.
 Лагунов К. Я. Портреты без ретуши. Тюмень, 1994.
 Литература Тюменского края / Под ред. Н. А. Рогачевой. Тюмень, 1997.
 Огрызко В. В. Писатели и литераторы малочисленных народов Севера и Дальнего Востока: В 2-х ч. М., 1998–1999.
 Омельчук А. К. Частное открытие Сибири. Тюмень, 1999.
 Полонский Л. В. Сердца людей согреть певучим словом // Сибирские огни. 1984. № 4.

Рогачев В. А. Страна — Тюмения в региональной литературе после 1985 г. Тюмень, 1988.

Сазонов Г. К. Солнечный ветер // Тюменская правда. 1987. 11 апр.

Слово родного Севера / Автор-сост. О. К. Лагунова. Екатеринбург, 1997.

Федорова Л. В. Родная литература. Тюмень, 1995.

Хомич Л. Ненцы. СПб., 1994.

ЛАРИСА
СЕРГЕЕВНА
КИСЛОВА

ПОКОЛЕНИЕ NEXT В ДРАМАТУРГИИ А. КАЗАНЦЕВА («Сны Евгении», «Бегущие странники»)

Статья посвящена проблеме маргинализации героя современной драмы. Предметом анализа является тип «лишнего человека», характеризующий новое поколение в драматургии А. Казанцева.

В пьесах одного из самых востребованных драматургов нашего времени А. Казанцева («Старый дом», «Антон и другие», «И порвется серебряный шнур...», «Великий Будда, помоги им!», «Сны Евгении», «Бегущие странники», «Братья и Лиза», «Тот этот свет» и др.), возможно, впервые в современной отечественной драматургии появляется молодой маргинальный герой. Повседневная, наполненная бесконечными проблемами жизнь проходит мимо видящей вещице сны Евгении («Сны Евгении») и слишком рано повзрослевшей Полины («Бегущие странники»). Молодые героини драматургии А. Казанцева пребывают в состоянии перманентной депрессии и столь глубоко несчастны, что постепенно начинают испытывать нечто напоминающее странное мазохистское удовлетворение. Они привыкают к постоянной внутренней боли, не пытаются ее преодолеть, и депрессивное состояние, таким образом, становится для каждой из них естественным. И Евгения, и Полина, безусловно, осознают свою исключительность, но считают эту исключительность наказанием, Божьей карой. Евгения видит странные сны, и этот ее дар воспринимается окружающими как ущербность. Полина, в юном возрасте познавшая вкус греха, живет с постоянным ощущением собственной порочности, втайне мечтая вновь пережить незабываемые мгновения мучительной преступной страсти. Юные героини, утратившие духовные ориентиры, попадают на «обочину» жизни, так и не успев понять, в чем, собственно, их вина. Полина и Евгения живут в особом временном и сущностном измерении, по-своему классифицируя окружающую действительность. Для них существуют два мира: мир собственный и мир *других*. Эти абсолютно чуждые вселенные не только не проникают друг в друга, но даже минимально не сближаются. Полина четко осознает, что мир *других* представляет реальную угрозу, поскольку люди этого мира отняли у нее когда-то то, что составляло смысл жизни, и уничтожили ее детские мечты. Она узнает чужаков даже по запаху: «**Полина.** Такими мерзкими дорогими духами пахнет сегодня в квартире... Так пахнет, например, тетя Надя — мерзко и дорого» [Казанцев 1996:57-58]. Евгения отождествляет своих родственников с многоголовой жующей гидрой, поскольку процесс поглощения пищи в ее сознании является неким порочным действием. Путь Евгении — это движение над жизнью, бесплотное существование,